

Макаренко Антон Семенович

Флаги на башнях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А72

А72 **Антон Семенович М.**
Флаги на башнях / Макаренко Антон Семенович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
430 с.

ISBN 978-5-519-94724-4

ISBN 978-5-519-94724-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

От редактора

Эта книга печатается после смерти ее автора. Антон Семенович Макаренко закончил редактирование текста романа для отдельного издания и написал вступительную главу ко второй части в самом конце марта. 1 апреля он умер.

Тяжелые дни похорон этого изумительного человека дали мне возможность увидеть и узнать многих людей, которые описаны в повести «Флаги на башнях». Я хочу передать читателям книги свое впечатление.

Во время гражданской панихиды зал Союза советских писателей был полон. Своей прекрасной жизнью, своим мастерством художника, умением почувствовать, выправить и описать тончайшие движения человеческой души педагог и писатель Макаренко завоевал уважение и любовь миллионов советских людей. Он получал огромное количество писем, и писали ему не только о его книгах. Его читатели спрашивали его совета в важнейших вопросах жизни. Он был для них подлинным учителем жизни, подобно великим писателям прошлого, подобно Максиму Горькому. Ему писали как близкому человеку, как умному и взыскательному отцу. Его облик стал виден далеко за пределами Советского Союза. Ему писали из Америки: мать, желавшая наилучшим образом воспитать своего ребенка, обращалась к Макаренко как величайшему педагогическому авторитету.

Его гроб буквально утопал в цветах и венках. Стол большой портрет, один из хороших его портретов—где удалось схватить особенное, макаренковское, немного грустное и такое ласковое и в то же время строгое выражение его умных глаз. Но лучшим украшением зала был почетный караул его коммунаров, его воспитанников, съехавшихся со всех концов Союза и ревниво оттеснивших всех окружающих от несения последних обязанностей по отношению к нему. Инженеры, журналисты, аспиранты научных институтов, командиры Красной армии, ученики военных училищ, — они стояли подобранные, строгие, не позволяющие горю нару-

шить торжественности последнего прощания с тем, кто был для них идеалом человека. И вы не различали в них в этот момент военных или штатских, курсантов военной школы или литераторов, — вокруг гроба стояли макаренковские колонисты, особая прекрасная порода людей, воспитанная талантливейшим педагогом-большевиком, сумевшим ввести в самую плоть их и кровь высокие принципы коммунистической этики и морали. Они были прекрасны. То душевное благородство, которое он сумел в них воспитать, та особая подтянутость, которой они выделяются в массе окружающих их людей, не давали вам возможности останавливать свое внимание на неправильностях лица или фигуры; вас поражало то, что они все красивы. Он был бесконечно прав, утверждая это и описывая их такими.

Очень мягко, вежливо, но более чем решительно они сумели поставить дело так, что по любым вопросам, касающимся распорядка, все обращались к ним. Они не видели друг друга по многу лет, но съехавшись сюда, они первым делом собрали свой совет командиров и вновь жили дисциплиной дзержинцев, славными традициями, сплотившими их в одну огромную дружную семью. Некоторые критики и до сих пор не верят, что горьковцы и дзержинцы были такими, какими их описал Макаренко в своей книге. Дисциплина и слаженность коллектива первомайцев (дзержинцев) казалась этим критикам придуманной писателем Макаренко, невозможной в жизни. Им казалось, что коллектив бывших беспризорных, правонарушителей сильно приукрашен, что так быть не могло: выходит, дескать, что бывшие беспризорники, «искалеченные улицей» дети, ничуть не хуже наших обыкновенных детей, воспитывающихся в школах, не могла жизнь коллектива дзержинцев идти без глубоких потрясений, которые характерны для колонии имени Горького, описанной в «Педагогической поэме». Надо ответить, что, во-первых, одной из главных педагогических доктрин А. С. Макаренко было то, что беспризорный ребенок — отнюдь не искалеченный, не изуродованный ребенок, и нет ничего легче, как ввести его в нормальное жизненное русло, когда он попадает в организованный, крепкий, воспитывающий его коллектив. Во-вторых, они не учили разницы между горьковской колонией и коммунной имени Дзержинского: «Только пятьдесят пацанов-горьковцев пришли в пушистый зимний день в красивые комнаты коммуны имени Дзержинского, но они принесли с собой комплект находок, традиций и приспособлений, целый ассортимент кол-

лективной техники, молодой техники освобожденного от хозяина человека. И на здоровой новой почве, окруженная заботой чекистов, каждый день поддержанная их энергией, культурой и талантом, коммуна выросла в коллектив ослепительной прелести, подлинного трудового богатства, высокой социалистической культуры, почти не оставив ничего от смешной проблемы «исправления человека»... Далекий, далекий мой первый горьковский день, полный позора и немощи, кажется мне теперь маленькой, маленькой картинкой в узеньком стеклышке праздничной панорамы». («Педагогическая поэма».) В-третьих, они не учли, что дети, воспитывающиеся в школе, воспитываются и в семье, и не всегда эта семья оказывается идеальной, в колонии же имени Горького и коммуне имени Дзержинского Антон Семенович Макаренко вполне заменил своим воспитанникам отца, причем в его образе сочеталось для них все самое прекрасное, что связывалось в их сознании с представлением о человеке в горьковском смысле этого слова. Это был для них идеал человека, идеал отца. Отец бывает и пьяницей, и разложившимся человеком, а если и не так, то очень часто дети оказываются во всяком случае более передовыми людьми, чем их родители. Воспитанники Макаренко нашли отца, который был человеком высокого интеллекта и невероятной душевной чистоты. Они имели преимущество перед многими из так называемых нормальных детей.

Он сумел создать своим коммунарам такую юность, которой могут позавидовать многие дети, воспитывающиеся в семье, и которая решительным образом определила всю их дальнейшую жизнь. Поразительно чуткий педагог, он в своей воспитательной системе нашел интереснейшие методы осуществления принципов коммунистического коллективного воспитания. В его системе замечательно учтены были детская тяга к военной игре, детский кодекс чести, строгость детской дисциплины, воспитывающее значение образования и квалифицированного труда, яркая реакция психики подростка на оказываемое ему доверие. Он был предельно взыскательным, педантически дотошным в требованиях исполнения его приказов и в то же время он но-горьковски верил в человека. Широта его доверия, по рассказам бывших колонистов и коммунаров, прямо-таки потрясала их и была одним из решающих факторов в переломе их психологии.

Он сделал за свою жизнь непонятно много. Он был под-

линным рыцарем идеи коммунистического воспитания. В самые тяжелые годы, годы хозяйственной разрухи и голода, голодая и холодая вместе с колонистами, он создавал, борясь с голодом, с травившими его лже-педагогами, высочайшую этику и мораль коммунистического коллективного воспитания, непоколебимо веря в успех. Он верил, что в Советской стране ни один человек не может пропасть, и обладал талантом находить дорогу к самому хорошему, что есть у человека. Он уже тогда, в годы лишений и голода, хотел и добивался, чтобы весь мир завидовал его стройным «пацанам» в темных рубашках с белыми воротниками, его прославленным колонистам. Он был страстно пророчески убежден, что это все будут и уже есть прекрасные люди.

На его похоронах произносились самые разные речи. Говорил старичок-учитель. Рассказал, что Макаренко учился у него в школе, и благодарил покойника за то, что тот всегда писал ему сочинения по литературе на отлично. Выступил другой учитель, москвич. Ошибаясь и путая слова, едва не перепутав отчество покойного, прочел свою речь по записке. Выступил известный писатель, автор хорошей книги, и продекламировал свое напыщенное, холодное надгробное слово. И после всех этих речей оставалось, как обычно на похоронах, то тяжелое чувство, которое возникает от трагического несоответствия между тем, что совершилось, и тем, что говорится по этому поводу. Было стыдно перед коммунарами, стоявшими в почетном карауле. Макаренко сумел воспитать в них чувство юмора и педагогическую честность. Потом объявили, что будет говорить воспитанник Макаренко. Вышел человек в военной форме, с военной выправкой, но смятый страданием, о котором он сдержанно и честно говорил. Он сказал, что совет командиров бывших воспитанников Антона Семеновича поручил ему, как старшему из собравшихся, сказать от их имени то, что они хотели бы сказать все. Привожу содержание его речи по памяти. «Я потерял сегодня отца. Вы поймете, почему мне так трудно говорить, если представите, как трудно терять отца еще таким молодым. Ему был всего 51 год. Мой отец по крови бросил мою мать, когда мне было четыре года. Я его не помню, и я привык его ненавидеть. Моим настоящим отцом был Антон Семенович. Антон Семенович ни разу в жизни не похвалил меня, он всегда меня ругал, даже в своей книге, «Педагогической поэме», он меня только ругает. Вы понимаете, как мне горько

об этом говорить. Но именно потому, что он всегда меня ругал, я стал теперь инженером. Уже после выхода из коммуны, когда я перечитывал страницы «Педагогической поэмы», его слова продолжали корректировать мои поступки, мою жизнь. Вы же представляете себе, кем бы я был, если бы он меня не ругал. И он вообще никогда нас, коммунаров, не хвалил. Он требовал неукоснительного выполнения его распоряжений, но он и глубоко верил в каждого из нас. Он умел найти и раскрыть в человеке самое лучшее, что есть в нем. Он был великий гуманист. Он отстаивал свои идеи, не отступая ни на шаг, когда считал себя правым. К нам в колонию не один раз приезжали социал-восковские «работники» и всячески пытались восстановить нас против него, расколоть наш коллектив, его травили, нашего Антона травили!.. Макаренко воспитал тысячи славных граждан Советского Союза, его воспитанники работают на советских стройках, в научных институтах, дрались на Хасане с японскими самураями, среди них есть орденосносцы, лучшие люди нашей страны. Вы знаете, каким почетом окружено имя Коробова, вырастившего сыновей — героев труда. Что же сказать об Антоне Семеновиче Макаренко, давшем стране тысячи ее достойных граждан, десятки героев... Вы понимаете, товарищи, что я испытываю сегодня, что значит потерять такого отца». Он говорил, стыдясь несдержанных выражений, пафоса и мужественно не стыдясь слез, которые лились как-то сами собой, не меняя напряженного выражения его лица, не мешая ему говорить. Только сильно покрасневшие руки и их беспомощные детские движения выдавали его состояние. Он говорил с предельной честностью, ни одно слово в его речи не прозвучало сколько-нибудь фальшиво или натянуто. В зале не было человека, который не плакал бы во время его речи. Люди видели настоящее горе, и в эти минуты до конца поняли, какой человек был Макаренко.

У гроба Макаренко можно было видеть воочию материальное выражение бессмертия. Человек умер, но в собравшихся у его гроба юношах во всех есть какая-то неуловимая черта, которая делает их больше чем членами одной семьи. Выражение ли лица, макаренковский ли мягкий юмор, особая ли макаренковская душевная чистота, — но вы узнаете его черты, его внутренний облик. Он, Макаренко, часть его существа, безусловно осталась жить в этих людях. Нельзя не обратить внимания на их поражающую чуткость, заботливость в отношении друг к другу. Нет бо-

лее суровых и беспощадных критиков, чем они, когда они обсуждают поступок своего товарища, и в редкой семье братья так внимательны друг к другу, как они. Приемный сын Антона Семеновича во все время похорон ни одной минуты не был один. Все время около него, как будто случайно оказываясь тут, находился кто-нибудь из коммунаров. Подойдут, тронут за плечо, что-нибудь спросят, просто стоят рядом.

Один момент нельзя забыть. В карауле произошло какое-то движение. С подмостков спустился один из коммунаров, подошел к приемному сыну Антона Семеновича, стоявшему в карауле, шепнул ему что-то на ухо и стал на его место, а тот быстро пошел к трибуне. И в эту минуту, раздвинув ряды столпившихся на подмостках людей, появился невысокий, не успевший побриться с дороги человек. Оглушившее его горе, почти фанатическая страсть переживания, скульптурная красота его лица, сжигающее его чувство — сразу заставили всех обернуться к нему, как бы прожектором выхватили его из толпы. Он шатнулся и слегка оперся на стоявших рядом, когда увидел гроб. И видя это лицо, я понял всю силу таланта Макаренко как художника. Я не сомневался, что это Семен Карабанов, герой «Педагогической поэмы». Так описать человека, чтобы вы, увидев его впервые, узнали его сразу, не колеблясь, — может только большой мастер. Рядом я в ту же минуту услышал: «Это, наверно, Карабанов...» Мне потом довелось познакомиться с этим жарким, как его назвал в своей книге Макаренко, Семеном и еще глубже оценить тонкий, обаятельный талант художника, ярко сказавшийся в замечательных книгах Макаренко.

Дух коммунарских традиций, впечатляющая их сила проявились еще в одном значительном эпизоде. Когда гроб с телом перевезли уже на кладбище и готовились опускать в могилу, по окончании последних речей, когда прозвучало судорожное «Прощай, отец!..» Карабанова, наступила минута, когда надо было, как требуют правила, снять орден Трудового Красного знамени, которым правительство наградило писателя. Коммунары окружали могилу, момент мог быть страшно тяжелым — последнее прикосновение к телу, к одежде, отвинчивание ордена — и вдруг коммунары, говоривший от имени совета командиров в Союзе писателей, негромко скомандовал: «Коммунары, смирно! Под знамя коммуны и ордена Советского Союза!» Коммунары машинально вытянулись. И очень трудно передать глос-

ми чувство, которое охватило всех стоявших рядом Никакого знамени коммуны здесь не было, знамя ордена Советского Союза присутствовало лишь в его изображении на ордене. Самой коммуны давно уже не существует. Люди, собравшиеся здесь, разошлись по самым разным дорогам. Но они стояли сейчас, вытянувшись, под одним знаменем, под красным знаменем коммуны, напряжение было таким, что казалось, будто едва не слышался шелест этого знамени. Здесь было все — и макаренковский культ красного знамени, и сознание того, что эти люди, воспитанные Макаренко, отдают всю свою жизнь служению этому красному знамени, знамени коммунизма. И это придало очищающую торжественность акту снятия ордена с тела человека, перед которым преклонялись. Писатель Всеволод Вишневский, принимавший орден от Карабанова, видимо, чутьем художника ощутил всю глубину происходящего и, бледный, так же негромко, чтобы не нарушить этого, по-военному сжато и так по-человечески просто, как над телом убитого в бою, ответил: «По поручению Союза советских писателей принимаю орден Макаренко. Мы возбудим ходатайство, чтобы орден навсегда остался в Союзе советских писателей». Последовала команда «вольно». Я почувствовал себя так, будто на какую-то минуту перенесся в будущее, увидел те совершенные человеческие отношения, которые даст коммунизм. Это будущее своими частицами уже живет в настоящем. Своим педагогическим и писательским трудом Антон Семенович Макаренко много способствовал такому развитию нашего настоящего.

Трогательно отношение бывших коммунаров и колонистов к Галине Стахивне Макаренко, жене Антона Семеновича. Первые недели она ни часу не оставалась одна. Они даже распределили свои отпуска таким образом, чтобы кто-нибудь всегда находился около нее. Причем это делается так просто, без какого бы то ни было подчеркивания, наоборот — всячески затушевывается значение каждого жеста, каждого во-время сказанного слова, что невольно вспоминаешь один эпизод из жизни коммуны им. Дзержинского, о котором рассказывают коммунары. Было постановлено: уступать в трамвае места женщинам и старикам. И колонисты уступали неукоснительно, но оглядывались, наблюдая, какое впечатление это производит. Тогда состоялось специальное заседание совета командиров, на котором постановили: «Уступать место и не смотреть!» Так и делали.

Воспитанники Анто́на Семеновича постановили написать сборник воспоминаний, который поможет делу увековечения памяти о нем. Они решили, что памятник на его могиле должен быть сооружен на средства, собранные только среди коммунаров, определили сумму денег для этого в 25 000 рублей. Недавно семья Макаренко получила письмо из одного города на Дальнем Востоке, в котором коммунары, живущие там, извещают о своем собрании и решении взять на себя 6 000 из этих двадцати пяти. 3 600 рублей уже переведены по почте в Москву. Материалы для сборника начинают готовиться.

Ю. Лукин

Часть первая

1. Человека сразу видно

Началась эта история на исходе первой пятилетки.

От зимы остались корки льда, прикрытые от солнца всяким хламом: соломенным прахом, налетами грязи и навоза. Поношенный булыжник привокзальной площади греется под солнцем, а между булыжником просыхает земля, и за колесами уже поднимаются волны новенькой пыли. Посреди площади — запущенный палисадник. Летом в палисаднике распускаются на кустах листья, и бывает похоже на природу, сейчас же здесь просто грязно, голые ветки дрожат, как будто на земле не весна, а осень.

От площади в городок ведет мостовая. Городок — маленький, случайно попавший в географию. Многие люди о нем и совсем не знали бы, если бы им не приходилось делать пересадку на узловой станции, носящей имя города.

На площади стоит несколько ларьков, сооруженных еще в начале нэпа. В сторонке почта, на ее дверях желтая, яркая вывеска. Возле почты скучают две провинциальные клячи, запряженные в перекосившиеся экипажи — линейки. Движение на площади небольшое — больше проходят железнодорожники с фонарями, кругами веревки, фанерными чемоданчиками. Рядок будущих пассажиров — крестьян сидит на земле у стены вокзала, греется на припеке.

В сторонке от них расположился в одиночестве Ваня Гальченко, мальчик лет двенадцати. Он грустит у своей подставки для чистки сапог и щурится на солнце. Подставка у него легонькая, кое-как сбитая из обрезков, видно, что Ваня мастерил ее собственноручно. И припасу у него немного.

У Вани чистое, бледное лицо, и костюм еще исправный,

но и в лице и в костюме уже зародился тот беспорядок, который потом будет отталкивать добрых людей на улице и неудержимо привлекать на сцене или на страницах книги. Этот процесс байронизации Вани только-только что начался — сейчас Ваня принадлежит еще к тем людям, которых не так давно называли просто «хорошими мальчиками».

Из-за палисадника, описывая быструю, энергичную кривую, картинно заложив руки в карманы пиджака, щеголяя дымящейся в углу рта папиросой, вышел здешний молодой человек и прямо направился к Ване. Он подпернул новенькую штанину, поместил ногу на подставке и спросил, не разжимая зубов.

— Желтая есть?

Ваня испугался, поднял глаза, ухватился за щетки, но тут же увял и растерянно-грустно ответил:

— Желтая? Нету желтой.

Молодой человек обиженно снял ногу с подставки, снова заложил руки в карманы, презрительно пожевал папиросу.

— Нету? А чего ты здесь сидишь?

Ваня развел щетками:

— Так черная есть...

Молодой человек гневно толкнул носком ботинка подставку и произнес скрипящим голосом:

— Только голову морочите! Черная есть! Ты имеешь право чистить?

Ваня наклонился к подставке и начал быстро складывать свое имущество, а глаза поднял на молодого человека. Он собрался было произнести слова оправдания, но в этот момент увидел за спиной молодого человека новое лицо. Это юноша лет шестнадцати, худой и длинный. У него насмешливо-ехидный большой рот и веселые глаза. Костюм старенький, но все-таки костюм, только рубашки под пиджаком нет, и поэтому пиджак застегнут на все пуговицы и воротник поднят. На голове клетчатая светлая кепка.

— Синьор, уступите очередь, я согласен на черную...

Молодой человек не обратил внимания на появление нового лица и продолжал с надоедливой внимательностью:

— Тоже чистильщик! А документ у тебя есть?

Ваня опустил щетки и уже не может оторваться от гневного взгляда молодого человека. Раньше Ваня где-то